

*...зло встанет все равно,
Хоть в недрах мира будь погребено.
Уильям Шекспир. Гамлет, акт 1, сцена 2.[1]*

От авторов

Эта книга — во многом плод совместных усилий, и ее могло бы вовсе не быть, если бы не удивительный талант и увлеченность каждого из участников работавшей над ней команды. Главные из них — наш редактор Лайза Дру и координатор проекта, она же «исполнительный продюсер» (она же жена Марка) Каролин Олшейкер. С самого начала эти женщины прониклись нашей мечтой, отдали ей свои силы, веру, любовь и добрый совет, всячески нас поддерживали и помогали воплотить ее в жизнь. Мы также выражаем глубокую признательность нашей одаренной исследовательнице Энн Хенниган; способной, неутомимой и неунывающей помощнице Лайзы Мэрисю Ручи; нашему агенту Джею Эктону, который первым признал важность того, что мы хотели предпринять, и помог в осуществлении планов.

Наша особая благодарность отцу Джона Джеку Дугласу за воспоминания и материалы о карьере сына, так тщательно собранные и так сильно облегчившие нам работу. И отцу Марка Беннету Олшейкеру, доктору медицины, за его советы и рекомендации в области судебной медицины, психиатрии и права. Нам обоим повезло, что у нас такие семьи и что их любовь и великодушные всегда с нами. Наконец, мы хотим выразить признательность и восхищение всем коллегам Джона по Академии ФБР в Квонтико. Это их личные качества и помощь сделали возможным восстановить хронологию событий. И поэтому им посвящается наша книга.

Джон Дуглас и Марк Олшейкер. Июль 1995 г.

Пролог

Я схожу в ад

Я, должно быть, сошел в ад.

Таково было единственное логическое объяснение. Меня связали и раздели. Боль становилась невыносимой. Руки и ноги изодрали ножом. Влезли в каждое отверстие в теле. Я задыхался и давился от того, что в горло запихнули кляп. Острые предметы ввели в пенис и прямую кишку, и казалось, что меня разрывают на части. Я обливался потом. И вдруг понял, что происходило: меня до смерти пытали убийцы, насильники и совратители детей, от которых я за время службы избавил общество. И вот теперь я стал их добычей и был не в состоянии сопротивляться. Я знал, как действуют подобные типы — слишком много раз видел это. У них потребность помыкать и глумиться над жертвой. Решать: жить ей или умереть, а если умереть, то каким именно способом. Меня оставят в живых, пока тело способно выносить мучения. Будут приводить в чувство, если потеряю сознание или окажусь на грани смерти. И каждый раз причинять как можно больше боли. Так могло продолжаться многие дни.

Они хотели показать, что я в полной их власти и завишу от их милости. И чем больше бы я кричал и чем больше молил об облегчении страданий, тем больше разжигал бы и подхлестывал самые темные стороны их воображения. Им бы доставило истинное удовольствие, если бы я вопил: «Ой, мамочки!» или умолял о пощаде и снисхождении.

Такова была расплата за шесть лет моей службы, во время которой я охотился за худшими людьми на земле.

Мое сердце бешено колотилось. Я словно горел в огне. Тело пронзил болезненный укол, когда острую палочку еще глубже продвинули в пенис. Меня сотрясало в конвульсии.

Боже, если я все еще жив, пошли мне быструю смерть. А если умер, избавь поскорее от адовых мук. Потом я увидел белый ослепительный свет, какой, как рассказывали, бывает в момент смерти. Я ожидал лицезреть Христа или ангелов, или по край-

ней мере дьявола — об этом я тоже слышал, — но видел один только яркий белый свет. Но вдруг я услышал голос. Успокаивающий, ободряющий голос. Такой умиротворяющий, какого я раньше ни разу не слышал: «Не волнуйся, Джон. Мы тебе поможем».

— Джон, вы меня слышите? Не волнуйтесь, расслабьтесь. Вы в госпитале. Вы очень больны, но мы стараемся вам помочь, — вот что в действительности сказала медицинская сестра. Она не имела ни малейшего представления, слышу я ее или нет, но беспрестанно повторяла успокаивающие слова.

Хотя в тот момент я этого не сознавал — я был в коме и находился в реанимационном отделении Шведской больницы в Сиэтле, где врачи боролись за мою жизнь. От капельниц внутривенного вливания трубки бежали вниз и скрывались в моем теле. Никто не ждал, что я выживу. Только-только наступил декабрь 1983 года, и мне исполнилось тридцать восемь лет.

Вся эта история началась на три недели раньше на другом конце страны. Я был в Нью-Йорке и читал лекцию об определении психологического портрета преступника перед тремястами пятьюдесятью сотрудниками полицейского управления Нью-Йорка и транспортной полиции, полицейских управлений Нассау и Лонг-Айленда. Я говорил об этом сотни раз и мог проделать все на одном автопилоте.

Внезапно мой мозг перестал воспринимать окружающее, хотя я сознавал, что продолжаю говорить. Я покрылся холодным потом и спросил себя самого: и как ты думаешь управиться со всеми делами? В то время я заканчивал дело Уэйна Уильямса — убийцы малолетних из Атланты, — и дело о расстрелах чернокожих из оружия двадцать второго калибра[2] в Буффало. Меня вызвали по делу Убийцы с тропы в Сан-Франциско. Я консультировал Скотленд-Ярд в связи с расследованием дела Йоркширского Потрошителя в Англии. Мотался на Аляску и обратно, работая над делом Роберта Хансена — пекаря из Анкориджа, который подцеплял проституток, заводил в глушь и убивал. На руках еще было дело о поджигателе синагог в Хартфорде, штат Коннектикут. А через неделю предстояло ехать в Сиэтл оказывать помощь оперативной группе в районе

Грин-Ривер в деле, которое обещало стать одним из самых многочисленных серийных убийств в истории Америки: нападения совершались главным образом на проституток и бродяг в зоне между Сиэтлом и Такомой.

В последние шесть лет я разработал новый метод расследования преступлений и был единственным штатным сотрудником подразделения психологической службы — остальные работали главным образом инструкторами. У меня на руках образовалось одновременно полторы сотни активных дел, и я не имел ни одного дублера. Около 125 дней в году меня не видели в моем кабинете в Академии ФБР в Квонтико, штат Виргиния. На меня нещадно жали местные копы, хотя, справедливости ради, надо сказать, что и сами они подвергались немилосердному давлению со стороны общественности и родственников жертв, когда те требовали быстрого раскрытия преступления. К последним, кстати, я относился с большим пониманием. Я пытался распределить работу по степени важности, но новые просьбы сыпались на меня как из рога изобилия. Помощники в Квонтико смеялись и говорили, что я стал похож на шлюху — что бы ни предлагали, я не мог ответить «нет». На лекции в Нью-Йорке я говорил о психологических типах личности преступников, но мои мысли витали далеко — в Сиэтле. Не все в тамошней оперативной группе приняли меня с распростертыми объятиями. Каждый раз, когда в большом деле требовалась моя помощь, приходилось «продавать» свои методы с умом, потому что многие копы и чины из Бюро воспринимали их почти как колдовство. Нужно было выглядеть убедительным, но ни в коем случае не самоуверенным или заносчивым. Дать понять, что полицейские — профессионалы и трудяги, и в то же время уговорить принять мою помощь. Самое обескураживающее было то, что в отличие от традиционных агентов ФБР, которые действовали по принципу «только факты, мэм», я имел дело с мнениями. Я жил с постоянным сознанием, что если ошибусь, то уведу расследование от цели и в результате появятся новые жертвы. И к тому же поставлю под удар программу разработки методов определения психологического портрета преступника — дело, которое я всеми силами пытался поставить на ноги.

Прибавьте сюда перелеты: несколько раз я уже мотался на Аляску — пересекал четыре временные зоны, прыгал из самолета в самолет, до боли сжимая кулаки, неся на бреющем над самой водой и садился в кромешной тьме. И едва переговорив с местной полицией, летел в Сиэтл.

Блуждание мыслей продолжалось с минуты. Потом я сказал себе: «Эй, Дуглас, соберись! Возьми себя в руки!» И сумел побороть дурноту. Думаю, аудитория так ничего и не заметила. Но сам я не мог избавиться от предчувствия, что со мной должно произойти нечто трагическое.

Ощущение это осталось и когда я вернулся к себе в кабинет в Квонтико. И тогда я застраховал на дополнительную сумму жизнь и доходы, на случай если окажусь нетрудоспособным. Не могу сказать, почему я так поступил — кроме чувства страха для этого не было никакого реального повода. Я был измотан и пил, пожалуй, больше, чем требовалось, чтобы справиться со стрессом. Просыпался ночью от телефонного звонка, потому что кому-то срочно требовалась моя помощь. А прежде чем снова заснуть, надеясь на внутреннее прозрение, заставлял себя думать о деле. Теперь мне понятно, к чему вел такой образ жизни, но тогда я не мог его изменить. Перед тем как отправиться в аэропорт, я заехал в начальную школу, где моя жена Пэм учила читать умственно отсталых детей, и рассказал о дополнительной страховке.

— Почему ты мне об этом говоришь? — она озабоченно посмотрела на меня. В правом виске я чувствовал жесточайшую боль, и она заметила, что мои глаза покраснели и взгляд был каким-то странным.

— Просто хочу, чтобы ты узнала, прежде чем я уеду, — ответил я. Тогда у нас уже было две дочери: старшей, Эрике, исполнилось восемь, а Лорен — три.

С собой в Сиэтл я взял двух новых специальных агентов — Блейна Мак-Илвейна и Рона Уолкера, — чтобы на месте сразу ввести их в курс дела. Мы расположились в отеле «Хилтон», и, распаковывая вещи, я заметил, что не хватает одного черного ботинка: то ли я забыл его дома, то ли как-то умудрился потерять по дороге. На следующее утро я должен был представлять-

ся в управлении полиции округа Кинг и решил, что без черных ботинок сделать это никак не могу. Я всегда был немного помешан на одежде, а от усталости совершенно заикнулся на мысли, что к моему костюму необходимы черные ботинки. Я выскочил из отеля и рыскал по улицам до тех пор, пока не наткнулся на открытый обувной магазин. Потом вернулся в номер, еще больше измотанный, но с парой сносных черных ботинок. На следующее утро я познакомился с местной полицией и группой, включавшей представителей порта Сиэтл и двух психологов, которые помогали расследованию. Каждый живо интересовался моей моделью личности преступника — или преступников, их ведь могло быть и несколько, — желая узнать, что это за тип. Я был совершенно уверен в своем описании, но был точно так же уверен и в том, что под него подошло бы немало людей. Очень важно, подчеркивал я, раз убийства не прекращаются, предпринять активные меры: совместные усилия полиции и средств массовой информации должны загнать преступника в ловушку. Полиции, например, хорошо бы организовать в разных районах собрания, на которых станут обсуждать преступления. Я был совершенно уверен, что убийца объявится на нескольких или на одном из них. Кстати, это помогло бы ответить на вопрос: действует ли преступник в одиночку или их несколько. Еще я хотел предложить полиции сообщить прессе, что во время одного из похищений на месте преступления оказались свидетели. Я чувствовал, что это может вызвать убийцу на ответную активность и заставить вылезти с объяснениями, почему он, невинный, оказался поблизости. В одном я был совершенно уверен: кто бы ни стоял за убийствами, добровольно «завязывать» он не собирался. Потом я давал советы, как допрашивать потенциальных подозреваемых — и тех, что местные полицейские «наработали» сами, и тех жалких придурков, которые неизбежно всплывали в подобных случаях. Остаток вечера мы с Мак-Илвейном и Уолкером и так и этак обмозговывали дело, и в отель я вернулся совершенно выжатый.

За выпивкой в баре, где мы пытались стряхнуть с себя усталость дня, я сказал Рону и Блейну, что чувствую себя неважно. Голова все еще болела, и я подумал, что подхватил грипп. Я по-

просил их на следующий день прикрыть меня и поработать вдвоём, решив, что будет лучше, если проведу день в постели. Мы пожелали друг другу спокойной ночи, и, простившись с помощниками до пятницы, я повесил на дверь табличку «Не беспокоить».

Последнее, что я запомнил, это то, как в ужасном состоянии сел на кровать и начал раздеваться. В четверг мои помощники отправились в окружной суд округа Кинг работать по составленному мною накануне плану. И давая мне отлежаться, как я и просил, меня не тревожили. Забеспокоились они только тогда, когда в пятницу утром я не появился к завтраку. Постучали в дверь и не получили ответа. Постучали еще. Тишина. Вот тогда они встревожились не на шутку. Спустились к конторке и попросили у портъе запасной ключ. Но когда открыли замок, заметили, что из-за накинутой цепочки войти все равно не удастся. Но тут услышали изнутри тихие стоны и немедленно выбили дверь. Меня нашли на полу, как позже описали мои помощники, в «лягушачьей позе», наполовину раздетого. Было ясно, что я пытался доползти до телефона. Левая часть тела подергивалась, и Блейн сказал, что я весь пылал.

Из отеля позвонили в Шведский госпиталь, и оттуда немедленно выслали машину. А Блейн и Рой между тем сообщали в реанимационное отделение мои симптомы: температура 41 градус, пульс 220. Левая часть тела у меня была парализована, и конвульсии не прекращались, пока меня везли в «скорой помощи». Медицинское описание зафиксировало «остекленевшие глаза» — открытые, устремленные в одну точку, но ни на чем не сфокусированные. Как только мы прибыли в госпиталь, меня обложили льдом и, чтобы унять конвульсии, ввели внутривенно колоссальные дозы фенobarбитала. Блейну и Рону врач сказал, что их хватило бы, чтобы усыпить весь Сизтл.

Он также сказал, что, несмотря на все усилия, я, скорее всего, умру. Томографическое сканирование мозга показало, что высокая температура вызвала перфорацию сосудов и обширное кровоизлияние в правом полушарии.

— Проще говоря, — объяснил агентам врач, — его мозг изжарился до хрустящей корочки.

Это было 2 декабря 1983 года. Накануне вступила в силу моя новая страховка. Начальник отдела Роджер Депью сам приехал в школу к Пэм, чтобы сообщить печальную новость. И жена с моим отцом вылетели в Сиэтл, оставив девочек на попечение моей матери. Двое агентов из местного отделения ФБР, Рик Мэттерс и Джон Байнер, встретили их в аэропорту и отвезли прямо в госпиталь. И там врачи им открыли, насколько серьезно мое положение. Они старались подготовить Пэм к моей смерти и предупредили, что, если даже я выживу, все равно, скорее всего, останусь слепым и парализованным. Будучи католичкой, жена пригласила священника, но когда тот узнал, что я пресвитерианин, то отказался свершать обряд. Блейн и Рон выставили его за дверь и нашли другого, который ломался меньше, и попросили за меня помолиться. Я находился в коме — между жизнью и смертью.

По правилам реанимационного отделения посещать меня могли только близкие. И коллеги из Квонтико, Рик Мэттерс и сотрудники местного отделения сразу же превратились в моих родственников.

— У вас большая семья, — ехидно заметила Пэм одна из сестер.

Но мысль о «большой семье» не стоило воспринимать только как шутку. В Квонтико Билл Хэгмейер из научной психологической службы и Том Коламбелл из Национальной академии организовали сбор средств, чтобы Пэм и отец могли оставаться со мной в Сиэтле. Вскоре деньги стали поступать от офицеров полиции со всей страны. Между тем делались необходимые приготовления для перевозки моего тела в Виргинию и захоронения на воинском кладбище в Квонтико. Ближе к концу недели Пэм, отец, оба агента и священник встали у моей постели в кружок, соединили ладони, взяли мои руки в свои и стали молиться. И к ночи я вышел из комы.

Помню, я очень удивился, увидев Пэм и отца, и никак не мог сообразить, где нахожусь. Сначала язык меня совершенно не слушался, левая сторона лица безвольно отвисла, левая часть тела оставалась парализованной. Но постепенно речь начала возвращаться, хотя и оставалась неразборчивой. Я смог поше-

велить ногой, движения все больше восстанавливались. От трубки жизнеобеспечения саднило в горле. Мне прекратили давать фенobarбитал, но, чтобы не возобновились конвульсии, перевели на дилантин. И после многочисленных анализов, томограмм и похлопываний по позвоночнику поставили клинический диагноз: вирусный энцефалит, осложненный стрессом и общим ослаблением организма. Мне повезло, что я остался в живых. Но выздоровление шло тяжело и приносило много разочарований. У меня возникли проблемы с памятью. Чтобы помочь вспомнить фамилию лечащего врача доктора Сигала, Пэм принесла укрепленную на пробковой подставке морскую раковину, на которой был вырезан силуэт чайки.[3] И когда в следующий раз врач решил проверить мои умственные возможности и спросил, как его зовут, я тут же вспомнил и пробормотал:

— Доктор Сигал.

Несмотря на теплую поддержку, восстановительный процесс изнурял. Мне ведь никогда не сиделось на месте, да и размышлять о чем-нибудь не торопясь я не любил. Желая приободрить меня, позвонил директор ФБР Уильям Уэбстер, и я сказал ему, что теперь вряд ли смогу когда-нибудь стрелять.

— Об этом можете не волноваться, Джон, — ответил он. — Мы вас держим за ваши мозги.

Я промолчал и не выдал своего опасения, что их-то у меня как раз осталось немного. Наконец я покинул Шведский госпиталь и за два дня до Рождества приехал домой. Перед отъездом я зашел в реанимационное отделение и поблагодарил врачей за то, что они спасли мне жизнь. Роджер Депью подхватил нас в Далласском аэропорту и отвез домой в Фредериксберг, где у дверей развевался американский флаг и висел огромный транспарант: «Добро пожаловать, Джон!» Я похудел со 190 до 165 фунтов, и когда дочери увидели меня в таком виде в кресле-каталке, то до смерти перепугались и еще долго не хотели отпустить в командировки.

Рождество мы встретили невесело: я виделся с очень немногими — Роном Уолкером, Блейном Мак-Илвейном, Биллом Хэгмейером и еще одним агентом из Квонтико Джимом Хорном. Я встал с кресла-каталки, но передвигался еще с трудом и не

мог свободно поддерживать разговор. Заметил, что сделался плаксивым, да и память частенько меня подводила. Когда Пэм или отец возили меня по Фредериксбергу, я смотрел на какое-нибудь здание и не узнавал, словно его только что построили. Я очень походил на людей, у которых недавно случился удар, и меня не могло не беспокоить, сумею ли я снова работать.

А думая о Бюро, я неизменно испытывал горечь из-за того, в какое меня поставили положение. Ещё в феврале прошлого года я обратился к помощнику директора Джиму Мак-Кензи с жалобой на то, что один не справляюсь с работой, и просил кого-нибудь в помощь. Мак-Кензи посочувствовал, но проявил себя реалистом:

— Вы же знаете нашу организацию, — заявил он. — Нужно работать до упаду, прежде чем тебя оценят.

Я не только не ощущал поддержки, но и не чувствовал никакого признания. Напротив, выложившись в Атланте в прошлом году во время расследования убийств детей, заработал официальный выговор за появившуюся сразу после ареста Уэйна Уильямса статью, которую опубликовала газета из города Ньюпорт-Ньюс, штат Виргиния. Когда репортер спросил, что я думаю о подозреваемом, я ответил, что считаю его «вполне подходящим» и не только для нынешнего, но и для ряда других дел. И хотя ФБР само просило дать корреспонденту интервью, впоследствии было заявлено, что я говорил о деле не должным образом. Тем более, напомнили мне, что пару месяцев назад меня уже предупреждали перед интервью журналу «Пипл». Это было типичным проявлением государственной бюрократии.

Меня потянули в Отдел профессиональной ответственности со штаб-квартирой в Вашингтоне и через полгода бюрократических вывертов объявили выговор. А через некоторое время я получил за это дело благодарность, и она стала признанием Бюро моей помощи в раскрытии преступления, которое пресса позже назовет «преступлением века».

То, чем занимается стоящий на страже закона офицер, вряд ли может явиться темой милых бесед даже с собственной женой. Если целыми днями видишь мертвые изуродованные, особенно детские, тела — это вовсе не то, что хочется нести с собой

домой. И за обедом небрежно не бросишь: «У меня сегодня случилось такое интересное убийство на сексуальной почве. Сейчас я вам расскажу...» Вот почему копов нередко тянет к медицинским сестрам и наоборот: работа тех и других имеет в себе что-то общее.

И все же частенько, прогуливаясь с детьми в парке или по лесу, я останавливал на чем-то взгляд думал про себя: «Это место похоже на то, где мы нашли убитого восьмилетнего ребенка». Из-за всего того, что мне довелось увидеть, я, с одной стороны, беспокоился за безопасность своих маленьких дочурок, но, с другой, с трудом мог сочувствовать их мелким, но реальным обидам и горестям детства. Если я приходил домой и Пэм говорила, что одна из девочек упала с велосипеда и ей пришлось наложить шов, в мозгу моментально вспыхивала картина вскрытия, когда врачу приходилось зашивать раны ее ровеснице, чтобы приготовить тело к похоронам. У Пэм был свой круг друзей — людей, связанных с местной политикой, которые меня совершенно не интересовали. И из-за моих командировок жене пришлось взять на себя львиную долю заботы о детях, оплату счетов и ведение хозяйства. Это была одна из многих проблем в нашем браке, и, по крайней мере, старшая, Эрика, чувствовала трения в семье. Я так и не мог отделаться от обиды на Бюро за то, что со мной приключилось. Примерно через месяц после возвращения домой я жег листья на заднем дворе. Вдруг, повинуясь внезапному импульсу, бросился внутрь, собрал все психологические портреты преступников, которые обнаружил в доме, и все написанные мною статьи и бросил в костер. И, избавившись от всего этого, ощутил нечто вроде катарсиса.

А когда я начал вновь водить машину, то поехал на Национальное кладбище Квонтико посмотреть на могилу, где должен был лежать. На надгробиях помечались даты смерти и, умри я 1 или 2 декабря, то получил бы незавидное место — рядом с заколотой прямо на улице недалеко от моего дома молоденькой девушкой. Я работал над этим делом, но убийство до сих пор оставалось нераскрытым. Стоя у могилы, я припомнил, сколько раз советовал полиции устанавливать наблюдение за местами захоронений жертв, считая, что убийца может появиться рядом.

Было бы смешно, если бы меня засекали и внесли в список подозреваемых.

Четыре месяца спустя после приступа в Сиэтле я все еще находился в отпуске по болезни. Из-за долгого неподвижного лежания в постели появились осложнения — в ногах и легких образовались тромбы и каждый день давался мне с трудом. Я по-прежнему не знал, смогу ли достаточно окрепнуть, чтобы вернуться на службу, и хватит ли мне для этого уверенности в себе. Тем временем Рой Хэйзелвуд из инструкторской службы Научного психологического подразделения взял на себя двойную нагрузку и принял мои дела.

Впервые после болезни я наведалься в Квонтико в апреле 1984 года — прочитать лекцию пятидесяти офицерам ФБР, которые занимались разработкой психологического портрета преступника на местах. Я вошел в аудиторию в тапочках, потому что в распухших ступнях еще не рассосались тромбы, и агенты со всей страны встретили меня бурной овацией. Реакция была непроизвольной и искренней: эти люди лучше других понимали, чем я занимался и что хотел создать в Бюро. И впервые за долгое время я почувствовал, что меня ценят. И еще я ощутил, что вернулся домой.

Через месяц я вышел на работу.

Содержание

От авторов.....	3
Пролог Я схожу в ад.....	4
1. Изнутри сознания убийцы.....	15
2. Фамилия моей матери — Холмс.....	28
3. Пари на капли дождя.....	46
4. Между двумя мирами.....	62
5. Бихевиористическая наука или БН.....	81
6. Представление с колёс.....	94
7. Сердце тьмы.....	118
8. Искать убийцу с дефектом речи.....	144
9. Вхождение в образ.....	166
10. У каждого своя ахиллесова пята.....	181
11. Атланта.....	196
12. Один из наших.....	224
13. Самая опасная игра.....	237
14. Кто убил символ американки?.....	258
15. Раним тех, кого любим.....	280
16. «Бог хочет, чтобы ты воссоединилась с Шари Фей».....	294
17. Жертвой может стать каждый.....	315
18. Битва психиатров.....	338
19. Иногда побеждает дракон.....	363
Примечания.....	381